

К. О. РЫЛБЕВЪ.

I.

Волинскій.

Д У М А.

«Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ,
Иль мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукой, безъ боязни.

«Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотражимою грозой,
Какъ покорители Казани.
Пусть удивляетъ... Но когда
Онъ все творить то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья.

«Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —
И на проклятіе вѣкамъ
Предается рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной или за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу !»

Противъ тирановъ лютыхъ твёрдъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою ²⁾ гордъ,
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

«Повсюду честный человекъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ ³⁾ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ ⁴⁾
Пришлецъ иноплеменный цѣли:
Онъ на него — какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи!

«И пусть ⁵⁾ падеть — но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

«Вражда къ тиранству ⁶⁾ закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ —
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную ⁷⁾ въ обломкахъ».
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынский думалъ справедливо;
Чистъ совѣстью и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво ⁸⁾.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнь, и Бирономъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ ⁹⁾.
Открылъ царяцѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокий.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій ¹⁰⁾.
Не долго вольности лишень,
Герой влачилъ свои оковы ¹¹⁾;
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ къ нему ¹²⁾ суровый.

Проникъ — и осянся крестомъ,
 Сказалъ онъ: «За тебя, свобода!»
 И къ мѣсту казни съ торжествомъ
 Шелъ бодро вѣрный другъ народа.
 Притекъ... увидѣлъ палача —
 И голову склонилъ безъ страха;
 Сверкнуло лезвіе меча —
 И кровью освѣтилась плаха! ¹³⁾

Сыны отечества! въ слезахъ
 Ко храму древнему Самсона!
 Тамъ за оградой, при вратахъ
 Почіеть прахъ врага Бирона!
 Отецъ семейства! приведи
 Къ могилѣ мученика сына;
 Да закипитъ въ его груди
 Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
 Да все для ней онъ переноситъ ¹⁴⁾,
 И, благородная душа,
 Пусть личность всякую отброситъ.
 Пусть будетъ чести образцомъ,
 За страждущихъ — желѣзной грудью,
 И вѣчно заклятымъ врагомъ
 Постыдному ¹⁵⁾ правосудью.

Примѣчанія. Въ рукописи, съ которой мы привели текстъ „Думы“, находятся слѣдующіе варианты и разницы съ напечатаннымъ нынѣ и въ изданіи 1825 года текстами: 1) въ изд. 1825 г. было:

«Но тотъ, кто съ гордыни въ борьбѣ
 Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
 И, забывая о себѣ,
 Все въ жертву родинѣ приноситъ».

2) „правотою“ поставлено въ рукописи вмѣсто зачеркнутаго: „какъ невинный“. 3) Было: „какъ сынъ добра“. 4) Было: „для гражданъ“. 5) Было: „И хоть падеть“, какъ осталось и въ изд. 1825 г. 6) Было: вмѣсто „тиранству“ „къ неправдѣ“. 7) Было: „Неправосудіе“. 8) Было:

Такъ сидя въ крѣпости въ цѣпяхъ
 Волинскій разсуждалъ угрюмый.
 Влестѣлъ огонь въ его очахъ,
 И по челу блуждали думы.

Въ изд. 1825 г. напечатано: „Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ“ и пр. 9) Было:

Презрѣвъ и казни и Бирона,
 Дерзнулъ на пришлеца одинъ
 Управы требовать у трона.

10) Было:

И ждалъ съ невинною душой,
Открытой истинѣ послѣдній.

11) Было: „Влачили къ темницѣ оны оковы“, а потомъ исправлено: „Волынскій несъ свои оковы“. 12) В м. „къ нему“ было „тюрьмы“. 13) Въмѣсто этой строфы въ изд. 1825 г. напечатаны двѣ слѣдующія:

Проникъ—и осѣнясь крестомъ,
Сказалъ: «За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ!
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру,
И вѣрнѣ правдѣ былъ до гроба!»

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага,
И бодро изъ тюрьмы своей,
Шелъ другъ общественнаго блага.
Пришелъ... увидѣлъ палача... и ир.

Кромѣ того, въ рукописи 6-й стихъ строфы было: „И шею протянулъ безъ страха“. 14) Было: „Да все оны твердо переносятъ“. 15) Было: „И ужасомъ неправосудью“, а потомъ трижды исправлено: коварному, преступному и наконецъ—позорному.

II.

Къ Н-му.

Въ отвѣтъ на стихи, которыми оны совѣтовалъ мнѣ навсегда остаться въ Украинѣ:

Чтобъ я младше годи
Лѣнливимъ своимъ убилъ!
Чтобъ я не носилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ! Тому во вѣкъ
Со мною не случится;
Тотъ жалкій человекъ,
Кто славой не вѣнчается!
Кумиръ молодой души—
Она меня трубою
Буда въ нѣмой глуши
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы!

И такъ простите вы:
Краса благой природы
Цвѣтушіе сады,

И пышные плоды,
 И Дона тихи воды,
 И миръ души моей,
 И кровь уединенной,
 И тишина полей
 Страны благословенной,
 Гдѣ гора и суетъ,
 И обольщеній чуждый
 Прожить-бы могъ поэтъ
 Безъ прихотливой нужды;
 Гдѣ-бъ дни его текли
 Подъ сѣнью безмятежной,
 Въ объятыхъ дружбы нѣжной
 И родственной любви!

Все это оставляя,
 Плающій поэтъ
 Направилъ свой полѣтъ,
 Совѣтамъ не внимая,
 За чародѣйкой вслѣдъ!
 Въ тревожномъ шумѣ свѣта,
 Средь гора и заботъ,
 Въ мои младыя лѣта,
 Быть можетъ, для поэта
 Она вѣнокъ советъ.
 Онъ мнѣ въ уединеньѣ,
 Когда я буду сѣдъ,
 Послужить въ утѣшенъе
 Средь дружескихъ бесѣдъ.

1820.

III.

Къ Н. Н.

Когда душа изнемогала
 Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой,
 Ты посѣтить, мой другъ, желала
 Уединенный уголь мой.

Твой голосъ нѣжный, взоръ волшебный
 Хотѣлъ страдальца оживить,
 Хотѣла ты покой цѣлебный
 Въ взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие
 Твое вниманье, милый другъ,
 Мнѣ снова возвратили счастье
 И исцѣлили мой недугъ.

Съ одра болѣзни роковаго
 Я всталъ и бодръ и веселъ вновь

И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.

Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ,
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится поневолѣ
Къ костру, въ безуми слѣпомъ.

1822.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.